

The article is devoted to the activities of Ettore Lo Gatto for the popularization of the works of Yanka Kupala in Italy. The author analyzes how Belarusian writer's heritage is presented in the publications of the foreign specialist in study of literature: in the essay «Young literature of the ancient people», in the article «Yanka Kupala» of «Treccani Encyclopedia», in the section «Belarusian literature» of the six-volume «History of the modern literature of Europe and America».

Keywords: Belarusian studies in Italy, E. Lo Gatto, Yanka Kupala, Belarusian literature.

УДК 81'33

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

БЕЛОРУССКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Рассматриваются языковые проявления белорусской темы в поэзии Серебряного века. Функционирование различных лексических единиц (в частности, имен собственных) и метаязыковая рефлексия анализируются на материале многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» и Национального корпуса русского языка. Демонстрируется, что для русской поэзии XX века характерно включение белорусских маркеров в качестве географических, исторических и культурных элементов.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, поэзия XX века, словарь поэтического языка, Национальный корпус русского языка.

Основой проведенного исследования стали материалы многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [1] с привлечением для сопоставления данных поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2].

«Словарь языка русской XX века» представляет собой алфавитный хронологически выстроенный словарь поэтического языка конкретной эпохи, соединяющий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников. СЯРП – это сводный словарь, создаваемый по творчеству десяти выдающихся русских поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Некоторые из них творили не только в эпоху Серебряного века, но и в более поздние годы. К настоящему моменту опубликовано семь томов СЯРП, находится в печати восьмой.

Материалы вышедших и подготавливаемых томов Словаря показывают, что поэтические произведения названных авторов содержат заметное число иноязычных вкраплений [3]. Славянские вкрапления в русском поэтическом тексте менее заметны, поскольку меньше осознаются как «чужие». Зачастую трудно провести границу между собственно русским словом, устаревшей или областной лексемой, церковнославянизмом и словом из другого славянского языка.

В статьях Словаря языка русской поэзии встречаются отдельные лексемы других славянских языков Российской империи: украинского, белорусского, а также польского, причем польский представлен преимущественно русифицированными формами. См., например (в словарных статьях приводятся сокращенные указания на автора, год создания текста и номер страницы источника по [1]):

ДЗЕНКУЮ [польск. dziękuję – спасибо] Я как щенок кидаюсь к телефону На каждый истерический звонок. В нем слышно польское: «дзенкую, пане», Иногородний ласковый упрек ОМ931 (178)

ПИВЕНЬ [укр. пивень – петух] И ежели пивни захопали И песни вечерней любви, Наверное, стройные тополи Смотрят на праздник в пыли. Хл[913] (86).

Особенно интересны, на наш взгляд, случаи, когда в тексте, воспроизводимом в Словаре, отражается авторская языковая и межязыковая рефлексия. Приведем в этой связи строки из свержповести В. Хлебникова «Дети Выдры», отраженные в словарных статьях ДЕНЬ, НОЧЬ и др.: «О, день и динь, и дзень! О, ночь, нуочь и ничь! Морской прибой всеобщего единства». По мнению комментаторов произведения, здесь слова русского, украинского и белорусского языков выступают «как модель или залог будущего языкового единства всего человечества» [4, с. 692]. Надо сказать, правда, что в этих строках отразилось не собственно знание Хлебниковым украинского и белорусского языков, а, скорее, его представление о том, как могут в них звучать и писаться соответствующие слова. Ср.: рус. день – укр. день – белорус. дзень (воспроизведено точно); рус. ночь – укр. ніч – белорус. ноч.

Добавим к сказанному, что приведенные стихи, с акцентуемым славянским началом, входят во фрагмент под названием «Игра на пароходе» и включаются в звуковую игру, начатую в предшествующих строках: «Мне скучно, и нужно нам игру придумать. Сколько скуки в скоке скалки!» При этом выразительно противопоставляются ряды созвучных слов одного языка (скучно, сколько) и нескольких близкородственных языков (ден, ночь).

Хотя примеры введения в русский поэтический текст лексем белорусского языка единичны, они заметны и могут рассматриваться, в общем плане, как маркеры белорусской темы. Более очевидна в этом смысле роль имен собственных, и прежде всего географических названий. Такие имена очерчивают круг культурно-исторических ассоциаций, важных для русскоязычного читателя. Следует отметить, что «географическое» восприятие «белорусскости» в силу известных исторических причин несколько различно для поэтов Серебряного века и для современных читателей, однако культурное поле остается практически неизменным по своей значимости.

Ономастический – географический – пласт, так или иначе связанный с Беларуссией и отраженный в СЯРП, образуют сами имена собственные и, в отдельных случаях, их производные. Это, например: Брест / брестский, Витебск, Гомель, Двина, Минск, Неман / неманский, Полесье и др. Примечательно, что «Белоруссия»

эксплицируется через вариант Бела Русь и прилагательное белорусский, причем оба наименования встречаются у М. Цветаевой. В Словаре фиксируется также сложное прилагательное испано-белорусский, принадлежащее О. Мандельштаму. Антропонимическая часть белорусского ономастикона представлена, прежде всего, знаковым именем Шагал.

Словарный материал показывает, что в языке поэзии Серебряного века белорусская география тесно связана с историческими событиями, прежде всего – трагическими страницами двух мировых войн, революций и гражданской войны. Так, революция 1905 г. отражена в словарной статье БРЕСТСКИЙ, содержащей фрагменты из поэм Б. Пастернака «Девятьсот пятый год» (1925–1926) и «Лейтенант Шмидт» (1926–1927):

БРЕСТСКИЙ [в назв.] И Семеновский полк Переводят на Брестскую ветвь. Значит, крышка? Шабаш? П925 26 (I,301); [солдатки] Влились в тупик казармы И – вон из тупика, Клубясь от солидарности Брестского полка. П926 27 (I,315).

Отметим, что в СЯРП часто приводятся короткие контексты, достаточные для иллюстрации употребления заголовочного слова. Приведем здесь, для наглядности, первый пример в более полном виде:

Все черно.
Говорят о конце обороны.
Обыватель устал.
Неминуемо будет праветь.
«Мин и Риман», –
Гремят
На заре
Переметы перрона,
И Семеновский полк
Переводят на Брестскую ветвь.

Значит, крышка?
Шабаш?

Первая мировая война и сопутствовавшие ей революционные события отразились в самой статье к топониму «Брест» и в статье к гидрониму Двина (имеется в виду Западная Двина). Имя собственное «Брест» находим в строках В. Маяковского (поэма «Владимир Ильич Ленин») и М. Цветаевой (стихотворение «От родимых сёл, сёл!..») и поэма «Перекоп»):

БРЕСТ [Ленин] крикнул: / – Ни с места! / Пусть партия / взвалит / и это бремя. / Возьмем / передышку похабного Бреста. РП М924 (500); На родимых мест, мест Августейшие засушенности! Все едино: Пешт, – Б. – Чтобы только не заслушивался. Цв925 (II,261); Груз. – Верните Б. ! – Тысяча пудов Радужных надежд! Цв928,29 38 (III,163).

Обратим внимание на характерность (в контексте Первой мировой войны) употребления поэтами онима Брест. У Цветаевой – верните Брест, у Маяковского – похабный Брест (здесь Брест – метонимическое обозначение брестского мирного договора).

Ср. и строки Маяковского, тоже из поэмы «Владимир Ильич Ленин», в статье ДВИНА (далее дается в сокращении). Здесь Двина как одно из знаковых мест в Первой мировой войне сопрягается с лозунгом «Превратим войну народов в гражданскую войну!» (это несколько измененный Маяковским известный лозунг большевиков «Превратим империалистическую войну в войну гражданскую!»):

ДВИНА [р. ; здесь: Зап. Двина] ... – Солдаты! / Буржуи, / предав и продав, / к туркам шлют, / за Верден, / на Двину. / Довольно! / Превратим / войну народов / в гражданскую войну! НАР М924 (482) ...

Несколько связанных с белорусской темой статей: БЕЛА, БЕЛОРУССКИЙ, ДВИНА, МИНСК, объединены именем Цветаевой – ее строками из поэмы «Перекоп», передающей восприятие поэтом гражданской и советско-польской войны. Особенность цветаевского восприятия этих событий видна, кроме прочего, в сознательном сближении понятий «Белая Русь» и «белое движение» (в тексте – белые). В данном случае имеет смысл привести не сами словарные статьи, а целостный фрагмент из поэмы, который концентрирует в себе соответствующую лексику (курсив в цитате – Цветаевой):

Последние страхи.
Потом – стремглав.
Враг – те или ляхи?
Брусилов прав.

Хоть худо – да наше!
Хоть лют – да брат!
Минск – наш или ляший?
Брусилов – свят.

И пусть в груди грусти –
Воды в Двине!
За край Белорусский
Кому как не...

За кровное дело,
Небось, берусь!
Кому ж как не белым
За Белу Русь!

И как перед Богом
– Бог слышь и видь! –
Бойцом тебе добрым
Клянусь пребыть!

Чтоб дедовым полем
Текла Двина!
А добрая воля
Везде – одна!

Кроме выделенных нами единиц здесь, безусловно, значимы, в рамках рассматриваемой темы, слова лях, ляхий, а также Брусиллов, добрая воля (ср. «добровольчество», «Добровольческая армия»).

Примечательно, что военная линия темы продолжается и в связи с Великой Отечественной войной. Из поэтов, представленных в СЯРП, ее «протягивает» из Серебряного века в 1940-е гг. Б. Пастернак. См., например, его строки с упоминанием Гомеля из стихотворения «Смерть сапера» (это – первый пример в приведенной ниже статье; второй пример, в котором упоминаются украинский Кременчуг и белорусский Гомель, взят из варианта названного стихотворения):

ГОМЕЛЬ [гор. в Белоруссии] ... Мы оттого теперь у Гомеля, Что на поляне в полнолуние Своей души не сэкономили В пластуном деле накануне. РП П943 (II,57); Мы у Кременчуга и Гомеля. И мы в ту ночь для этой цели [для победы] Сердечных сил не сэкономили, [стих. -вар.] РП П943 (II,547).

Можно отметить, что географические маркеры часто выступают в расширительном смысле, захватывая и сопредельные времена и пространства. Выше мы приводили в качестве одного из примеров гидроним Двина (река в России, Белоруссии и Латвии). Ср. также гидроним Неман и его дериват неманский:

НЕМАН [р. в Белоруссии, Литве и России] За ним, за ним! Туда, где нем он! На тот зеленый луг, за Н. ! За Н. свинцовый и серый! За Н., за Н., кто верует! Хл915 19 22 (457. 2)

НЕМАНСКИЙ [прил. к НЕМАН ...] О, будь, Россия Александра, Благословенна и в аду! Рукопожатье роковое На шатком неманском плоту [о заключении Тильзитского мира] ОМ915 (375. 2).

Как видно, в статье к прилагательному дан комментарий «о заключении Тильзитского мира». Уточним, что строка На шатком неманском плоту имеет реальную основу: во время мирных переговоров, 25 июня 1807 г., Александр I и Наполеон встретились на плоту, поставленном посередине реки Неман.

Материалы Словаря выявляют и более глубокий славянский пласт, соотносимый с Белоруссией. См., например, статью ЛЯЛЯ, вполне ожидаемо представленную строками В. Хлебникова:

ЛЯЛЯ [олицетворение весны на стар. народном празднике в Белоруссии] Любите носить все те имена, Что могут онежиться в Лялю. Деревня сюда созвана, В телеге везет свою кралю. Лялю на лебеде Если заметите, Лучший на небе день Кралей отметите. И крикнет и покнет весенняя кровь: «Л. на лебеде – Л. любовь!» Хл[913] (86).

Не менее интересно использование Б. Пастернаком в нарицательном смысле антропонимов Ягайло и Ядвига: «Ты спросишь, кто велит? – Всесильный бог деталей, Всесильный бог любви, Ягайлов и Ядвига». В некоторых источниках (например, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона») отмечается, что Ягайло – великий князь литовский, король польский – был и князем витебским (см. в связи с этим статью в Википедии: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ягайло>). Ядвига, напомним, была супругой этого польского короля.

Нельзя не затронуть еще один культурный пласт, тесно связанный с белорусской темой в поэтико-языковом преломлении, – восточноевропейское местечковое еврейство. В СЯРП этот феномен предстает в ряде словарных статей, причем в приводимых примерах, как правило, отмечается соединение разных его маркеров. Так, в статьях ГОМЕЛЬ, ПОЛЕСЬЕ, ИСПАНО-БЕЛОРУССКИЙ и др. содержатся фрагменты шутивного стихотворения О. Мандельштама «На Моховой семейство из Полесья...» (в тексте: Шолом Аш – еврейский писатель (1880–1957); отчесья – возможно, новообразование от глагола отчесать; ср. очёс, очёски):

На Моховой семейство из Полесья
Семивершковый празднует шабаш.
Здесь Гомель – Рим, здесь папа – Шолом Аш
И голова в кудрявых пейсах песья.

Из двух газет – о чудо равновесья! –
Два карлика построили шалаш
Для ритуала, для раввинских каш –
Испано-белорусские отчесья...

Статьи ВИТЕБСК и ШАГАЛ представлены строками А. Ахматовой из «Царскосельской оды»:

ВИТЕБСК Город парков и зал, Но тебя опишу я, Как свой Витебск – Шагал. [о Царском Селе] Ахм961 (249. 2).

Приводя примеры статей, фрагменты стихотворений, мы не акцентировали внимание на их рифменной составляющей. Вместе с тем стоит отметить, что слова, объединенные белорусской темой, нередко занимают в текстах сильную позицию рифмы. Ср.: мест – Брест (также: места – Бреста), Двину – войну, в груди грусти – Белорусский, Гомеля – сэкономили, Лялю – кралю, Полесья – песья, (и) зал – Шагал и др.

Подкрепление сказанному находим в поэтическом подкорпусе НКРЯ. Так, по слову Белоруссия Корпус выдает 12 документов, 12 вхождений; Беларусь – 4 документа, 4 вхождения; Витебск – 11 документов, 12

вхождений; Гродно – 2 документа, 4 вхождения; Гомель – 10 документов, 13 вхождений; Минск – 16 документов, 18 вхождений; Могилев – 7 документов, 7 вхождений; Полоцк – 9 документов, 22 вхождения. Среди текстов, близких по времени к рассмотренным нами, обращает на себя внимание стихотворение С. Кирсанова «Поезд в Белоруссию» (1930). Заданная названием белорусская тема ясно выражается на лексическом уровне текста, который требует комментария (например, сурма – старинный народный музыкальный инструмент):

Предутренний воздух и сумрак...
Но луч! / И в кустарную грусть
на сурмах, / на сурмах, / на сурмах
играет зарю Беларусь...

Поляны еще снеговиты,
еще сановиты снега,
и полузатоплены квиты
за толпами березняка.

Но скоро под солнцем тяжелым
и жестким, как шерсть кожухов, —
на квітень нанижуются бжолы
и усики июльских жуков.

Тогда, напыхтевшись у Минска,
приветит избу паровоз:
тепла деревянная миска,
хрустит лошадиный овес...

Чудесный топор дровосека,
паненка в рядне и лаптях...
Прекрасная! / Акай и дзекай,
за дымом и свистом летя!

Из поэзии с белорусским «акцентом» более позднего времени выделяются фрагменты поэмы Е. Евтушенко «Мама и нейтронная бомба» (1982), в которых речь идет о белорусских корнях поэта. Вот небольшой такой фрагмент:

Бабка Ганна,
белорусская бабушка
и бабушка всего мира,
если в Белоруссии был убит каждый четвертый,
то в будущей войне
может быть убитым каждый.

В заключение можно отметить еще один пласт, включающий в себя белорусские имена собственные: это российские, в особенности московские топонимы (станция метро Белорусская, Минское шоссе, а также Гродненская, Беловежская и Витебская ул., 1-я и 2-я Брестская), нашедшие отражение в поэтическом языке, причем нередко в расширительном, даже символическом смысле (Белорусский вокзал). См., к примеру:

Мы
С Минского шоссе
Свернули за Тучково,
И вдруг во всей красе
Москвы-реки подкова!
(Л. Мартынов. «Мы / С Минского шоссе... », 1964)

Мать застыла в дверях. Что это значит?
Нет, она не заплачет. Что же делать – война!
– А во сколько твой поезд? –
И все же заплачет.
Синий свет на платформах.
Белорусский вокзал.
Кто-то долго целует.
– Как ты сказал?
Милый, потише... –
И мельканье подножек.
И ответа уже не услышать.
(К. Симонов. «Из дневника», 1941).

Таким образом, в русском поэтическом языке белорусский культурный пласт весьма важен, причем эта тема особенно ярко проявляется и актуализируется в поэзии Серебряного века и затем в советской поэзии.

Список литературы

1. Словарь языка русской поэзии XX века / отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. – Т. I–VII. – М. : Языки славянской культуры, Знак, 2001–2017.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 25.11.2019.

3. Шестакова, Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) / Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. – 2015. – Т. 74, № 1. – С. 68–76.

4. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников. – М.: Сов. писатель, 1986. – 736 с.

Лариса Леонидовна Шестакова, Анна Сергеевна Кулева, Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Larisa Shestakova, Anna Kuleva

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: lara.shestakova@mail.ru, an_kuleva@mail.ru

THE BELARUSIAN THEME IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

The article considers the linguistic features of the Belarusian theme in the poetry of the Silver age. Multivolume «Dictionary of Language of the 20th Century Russian Poetry» and Russian National Corpus are used to analyze the functioning of various lexical units (in particular, proper names) and metalanguage reflection. It is demonstrated that Russian poetry of the XX century is characterized by the inclusion of Belarusian markers as geographical, historical and cultural elements.

Keywords: corpus, dictionary, lexicology, lexicography, poetic language, Russian National Corpus.

УДК 821.161.09(092)+929Гарэцкі

А. У. Ярмоленка

ЭКЗІСТЭНЦЫЯЛЬНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА Ё МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ М. ГАРЭЦКАГА І Ф. КАФКІ

Исследованы ключевые проблемы творчества М. Горьцкого и Ф. Кафки: одиночество, страх и смерть. Проанализирована философская концепция творчества писателей, которая основана на экзистенциальном мировоззрении. Определены особенности поэтики повестей М. Горьцкого «В чём его обида?» и «Меланхолия» и рассказа Ф. Кафки «Превращение», которые заключаются в создании новаторского типа героя, использовании кумулятивной сюжетной структуры, отображении пограничного и замкнутого пространства, психологического конфликта и трагичной развязки.

Ключевые слова: одиночество, страх, смерть, экзистенциализм, вина, конфликт.

У гісторыі развіцця чалавечага грамадства мастацтва слова амаль заўсёды адказвае за асэнсаванне і ацэнку глабальных праблем цывілізацыі, якія непасрэдна ўплываюць на існаванне і развіццё асобы. Пачатак XX стагоддзя, які адзначаны такімі катастрафічнымі падзеямі, як арганізацыя рэвалюцый і ўступленне асобных краін у грамадзянскую і Першую сусветную вайну, знікненне і фарміраванне новых дзяржаў, дагэтуль не атрымаў адназначнай ацэнкі ў шматлікіх гістарычных і мастацтвазнаўчых даследаваннях. Тым каштоўней для сучасных даследчыкаў творчасць пісьменнікаў, якія, перажывыўшы гібельныя для кожнага чалавека катаклізмы, здольныя асэнсаваць і перадаць наступным пакаленням праўдзівы малюнак жыцця пачатку XX стагоддзя.

Як ніхто іншы мастакі слова выяўляюць і адлюстроўваюць у сваёй творчасці ўплыў сацыяльна-эканамічных і палітычных фактараў на асабістае жыццё чалавека, пераацэнку маральных прынцыпаў і духоўных каштоўнасцей традыцыйнага грамадства. Адказам філосафаў і пісьменнікаў на катаклізмы пачатку XX стагоддзя з'яўляецца, такім чынам, узнікненне экзистэнцыяльных ідэй, якія адлюстроўваюць сутнасць эпохі, дазваляюць растлумачыць духоўны і фізічны стан чалавека новай фармацыі. Экзистэнцыялізм – філасофская плынь, прадстаўнікоў якой цікавіць існаванне чалавека з усім комплексам яго сацыяльных і псіхалагічных праблем.

Класікамі экзистэнцыяльнай філасофіі XX стагоддзя прынята лічыць нямецкіх філосафаў М. Гайдэгера, К. Ясперса, французскіх пісьменнікаў Ж.-П. Сартра, А. Камю. У Расіі раннія формы філасофіі экзистэнцыялізму бяруць свой пачатак у вучэннях рускіх філосафаў М. Бярдзьева і Л. І. Вета. Сярод пісьменнікаў, якія на першы план вылучаюць не абстрактныя усеагульныя сутнасці, а рэальнае трагічнае жыццё адзінкавага чалавека з яго хваляваннямі, трывогамі і праблемамі, можна назваць Ж.-П. Сартра, А. Камю, Ф. Кафку, М. Гарэцкага, В. Быкава.

З пералічанага шэрагу пісьменнікаў менавіта Ф. Кафка і М. Гарэцкі вылучаюцца пільнай увагай да маральнага, эканамічнага і палітычнага крызісаў, якія ахопліваюць чалавецтва да і падчас Першай сусветнай вайны; бурнага росту навукі і тэхнікі і выкарыстання тэхнічных дасягненняў на шкоду чалавеку; умацнення жорсткасці, бесчалавечнага стаўлення да асобы; бяссілля чалавека перад прыродай і перад тэхнагенным грамадствам. Творчасць класікаў літаратуры заснавана на агульнай філасофскай канцэпцыі, якая адлюстроўвае экзистэнцыяльнае светаадчуванне Ф. Кафкі, М. Гарэцкага. У сваіх мастацкіх творах яны сцвярджаюць унікальнасць чалавечай асобы, глыбіні яе пачуццяў, перажыванняў, трывог, надзей, жыцця чалавека ў цэлым; супярэчнасць паміж унутраным светам чалавека і навакольнай рэальнасцю; адчужэнне і адзіноту асобы; жах і бессэнсоўнасць чалавечага жыцця; адчуванне трывогі і бездапаможнасці перад непазбежнай смерцю.

У беларускай літаратуры М. Гарэцкі з'яўляецца адным з тых пісьменнікаў пачатку XX стагоддзя, якія на ўласным прыкладзе змаглі адчуць катастрафічны ход гісторыі, здолелі пераадолець і абстрагавацца ад уласных пачуццяў, ацаніць перажытыя падзеі, вызначыць ролю і месца асобы ў гістарычным працэсе. Адзін з нямногіх пісьменнікаў гэтага перыяду М. Гарэцкі ўвасабляе экзистэнцыяльнае адчуванне жаху, адзіноты, тугі і пакутлівага расчаравання ў ідэалах эпохі. Героі пісьменніка перажываюць гістарычны працэс, падзеі часу як частку свайго мікракосму, сваё духоўнае развіццё. Гарэцкі адлюстроўвае лёс краіны і свету праз супярэчлівыя перажыванні асобы, далучанай да гістарычнага працэсу, асэнсоўвае варожасць навакольнай прасторы, адзіноту і пакінутасць у чужым свеце.

Блізкія погляды на навакольны свет выказвае ў сваіх творах Ф. Кафка. Адметнай рысай творчасці пісьменніка з'яўляецца трагічны і песімістычны погляд на чалавека як на ахвяру лёсу. Такое ўспрыманне прадыхтавана